

УДК: 39+06(069)

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-3/65-81

Научная статья

© А. Мажиа, А. В. Журавлева

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МУЗЕИ САРДИНИИ

Статья посвящена современному состоянию этно-антропологических музеев в Сардинии, не получившему освещения в научном дискурсе. Парадокс состоит в том, что этот регион занимает одно из лидирующих мест в Италии и Европе как по числу музеев (в том числе и этно-антропологических), так и по темпам продолжающейся и сегодня музеефикации, но при этом относится к числу областей с наиболее низким индексом посещения музеев как «внутренними», так и «внешними» туристами. В стремлении дать объяснение этому феномену авторы, опираясь на различные источники, включая собственный полевой опыт, обращаются к историческим, социокультурным, психологическим, экономическим, политическим реалиям Сардинии. В регионе наблюдается рост интереса населения к собственной истории и культуре, но одновременно — и радикализация поисков идентичности, эмфатизация деклараций собственной этноэкссклюзивности, переписывание истории, изобретение традиций, культурное мифотворчество, а также коммерциализация культурного наследия, связанная с развитием туризма как фактора повышения уровня жизни. Обращаясь к отдельным примерам этно-антропологических музеев, авторы рассматривают различные подходы к музейному делу Сардинии (научные и коммерчески-обусловленные спекулятивные) как отражение происходящих в обществе процессов.

Ключевые слова: Сардиния, этно-антропологические музеи, внутренняя мотивация музеефикации, развитие туризма, новые музейные стратегии

Ссылка при цитировании: Мажиа А., Журавлева А. В. Современные этно-антропологические музеи Сардинии // Вестник антропологии. 2025. № 3. С. 65–81.

Мажиа Армандо — Ph.D. по демоантропологии, директор, Этнографический музей сардинской горской культуры (Италия, 08031 Аритцо (Нуоро) Парко Comunale Пастиссу). Эл. почта: maxiaarmando@tiscali.it ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2920-6921>

Журавлева Александра Владимировна — аспирант Центра европейских исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: zhuravleva.alex@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-4451-2426>

UDC: 39+06(069)

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-3/65-81

Original article

© Armando Maxia, Aleksandra Zhuravleva

MODERN ETHNO-ANTHROPOLOGICAL MUSEUMS IN SARDINIA

The article addresses the current state of ethno-anthropological museums in Sardinia, which has not received coverage in scientific discourse. Paradoxically, this region is one of the leaders in Italy and Europe both in terms of the number of museums (including ethno-anthropological ones) and the pace of ongoing museification, but at the same time it has the lowest index of museum visits, both by “internal” and “external” tourists. In an effort to explain this phenomenon, the authors, relying on various sources, including their own field experience, turn to the historical, socio-cultural, psychological, economic, and political realities of Sardinia. Interest in the region’s history and culture is growing, but at the same time, identity politics are becoming more radicalized, declarations of ethnic exclusivity are becoming more emphatic, history is being rewritten, traditions are being invented, cultural myths are being created, and cultural heritage is being commercialized with the development of tourism as a factor in improving living standards. Referring to individual examples of ethno-anthropological museums, the authors consider various approaches to Sardinian museum business (scientific and commercial) as reflections of social processes.

Keywords: *Sardinia, ethno-anthropological museums, intrinsic motivation of museification, tourism development, new museum strategies*

Authors Info: **Maxia, Armando A.** — Ph.D. in Demoanthropology, Director, Ethnographic Museum of Sardinian Mountain Culture (Parco Comunale Pastissu, 08031 Aritzo (Nuoro), Italy). E-mail: maxiaarmando@tiscali.it ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2920-6921>

Zhuravleva, Aleksandra V. — Ph.D. Student, Center for European Studies, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: zhuravleva.alex@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-4451-2426>

For citation: Maxia, A., and A. Zhuravleva. 2025. Modern Ethno-Anthropological Museums in Sardinia. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 65–81.

Тема музеев, издавна популярная в контексте Италии, в последние десятилетия приобретает особую актуальность, особенно в отдельных областях страны, например, в Сардинии. Именно в этом сельском, слабо урбанизированном регионе начиная с конца XX в. наблюдается очень необычный феномен, требующий научного осмысления и не бывший объектом глубокого исследования, — на сегодняшний день в Сардинии зафиксировано рекордно высокое число музеев, продолжающее стремительно и непрерывно увеличиваться и делающее область своего рода «лидером музеефикации» в масштабах Италии (Borgioli 2013: 9).

Это подтверждают и данные официальной статистики: Сардиния располагает одной из самых обширных в Европе музейных сетей, с вдвое большим, чем в среднем

по Италии, числом точек консервации историко-культурного наследия¹. Так, на конец 2022 г. в области было зарегистрировано 254 музея, 100 из которых — этнографические (наиболее интенсивно растет численность как раз этой категории музеев, разбросанных по всему острову, в том числе и в труднодоступных высокогорных ареалах), 30 — археологические, а остальные подразделяются на исторические, художественные, узкопрофильные музеи (как, например, Музей угля в Карбонии, Музей серы в Флуминимаджоре и т. д.), на так называемые *археологические ареалы* — выделяемые в особую категорию обширные памятники археологии под открытым небом, в том числе охраняемые монументальные комплексы (такие, как мегалитический памятник Могила гигантов в Монте-Ниедду, доисторическое святилище Монте-д'Аккодди между Сассари и Порто-Торрес и т. д.), а также на природные заповедники (например, рощи древнейших реликтовых деревьев) (Musei 2022).

Однако на практике музейных центров в Сардинии значительно больше, поскольку официальная статистика не учитывает многочисленные мелкие «нестационарные» деревенские музеи, открывающиеся только в ознаменование определенных торжественных дат или по особым случаям, а также имеющие статус музеев «светские вертепы», однодневные «живые» инициативы на площадях, которые в целях привлечения туристов воспроизводят сцены народной жизни (Borgioli 2013: 11).

Высокая концентрация музеев и стремительные темпы роста их числа тем более необычны и впечатляющи, поскольку, во-первых, речь идет о «свежем» феномене (Сардиния не имеет давних музейных традиций), а, во-вторых, регион отличается самым низким в Италии индекс музейной посещаемости, причем как местным населением, так и «внешними» гостями — итальянцами и туристами-иностранцами (Musei 2022).

Этот дисбаланс между количеством музеев, продолжающимся ростом их числа и их низкой посещаемостью, хотя и не был до сих пор объектом серьезного исследования, столь очевиден и откровенен, что не может не привлекать внимание людей науки и прессы. Так, ученые оценивают музейное присутствие в Сардинии и его стремительное разрастание как «гипертрофированное и не оправданное с научной точки зрения и с позиций объективных потребностей региона» (Figari 2003: 18), как «откровенно-странное», поскольку оно «не сопряжено ни с усилением, ни даже с существованием общественного интереса к музейному наследию» (Iorio 2004: 3). Исследователям вторят СМИ, все чаще именующие сардинские музейные структуры «кафедральными соборами в пустыне» (ит. *cattedrali nel deserto*), апеллируя к устойчивому термину, возникшему в конце 70-х годов XX в. и касающемуся покинутых промышленных предприятий после провала попыток индустриализации острова (Catanese 2021).

Цель настоящей работы — остановиться, пусть и вкратце, на деятельности современных этнографических музеев в Сардинии, исследуя причины их возникновения и гипертрофированного «тиражирования», степень их научной ценности, функциональности и индекс их низкой популярности (посещаемости). Такого рода анализ сопряжен с необходимостью ухода в историю островной музеефикации, а также отслеживания историко-культурных предпосылок «музейного парадокса» региона и причин стремительного роста численности именно этнографических музеев.

¹ Большинство сардинских музеев находится в ведении государства, что также отличает Сардинию от других регионов Италии: 83% общественных островных музейных объектов подчиняются местным органам власти (в среднем по стране этот показатель равен 68%, а в областях Юга Италии — 58%); очень невелико число музеев, принадлежащих частным лицам или находящихся в их управлении (Borgioli 2013: 11).

Историко-культурные предпосылки и начало музеефикации Сардинии

Сардиния, автономная область Италии, относится к числу беднейших регионов страны. В этом сельском, слабо урбанизированном земледельческо-пастушеском мире и сегодня сохраняются многие аспекты традиционной культуры. Описывая Сардинию, антрополог К. Мажиа охарактеризовал ее как сосредоточие «жесткой культурной консервативности, сильной интровертности, активной ригидности и устойчивой культурной преемственности» (Maxia 2013: 46–47), а историк Л. Февр отнес ее к числу *îles conservatoire-prison* (фр. *островов-тюрем*), «обреченных» на состояние физической и психологической изоляции (Febvre 1949: 222). Подобные реалии заданы многими факторами: и спецификой истории (Сардиния значительно меньше, чем другие средиземноморские сообщества, подвергалась инокультурным влияниям), и особой предрасположенностью к сохранению патриархальности, закрытости и архаичности устоев, и низкой плотностью населения, и его невысоким в целом культурно-образовательным уровнем, и «ограниченностью мировидения населения только ареалом *своего* деревенского хабитата» (Rudas 1999: 257). Не следует сбрасывать со счетов и такой фактор, как стихийный «латентный сепаратизм» населения — уходящую в глубину веков «повышенную резистентность» сардинцев любым воздействиям на локальную культуру и уклад, которую археолог Дж. Лиллиу именовал «сардинской сопротивленческой константой» (Lilliu 2002: 5).

Стартовавшая в 60-е–80-е годы XX в. социо-экономическая и культурная модернизация Сардинии, связанная с неудачными попытками индустриализации, кризисом традиционного сельского хозяйства, массовой эмиграцией, превращением острова в объект туризма, усилением итальянизации и вовлечением в общеевропейские и общемировые интеграционные процессы, «предопределила начало размывания традиционности и появление перед населением новых экономических и культурных приоритетов и искушений» (Mongili 2015: 13).

Но уже в конце XX в. наметилась и обратная тенденция: разочарование в инновациях и в самой идее автономии, «инерционная тяга ко всему *своему*» (Mannia 2017: 119) вызвали усиление оппозиционных настроений населения, поиск идентичности, а также подъем массового интереса к собственным истории и культуре. В силу специфики традиций локальной науки, до недавнего времени игнорировавшей проблемы народной культуры, этот интерес, не разделенный в академических кругах, сегодня часто оборачивается мифологизацией и архаизацией историко-культурного наследия, агрессивным и демонстративным утверждением своих древности, этноэксклюзивности, культурной уникальности, искаженной интерпретацией фактов прошлого, «изобретением традиций» и попытками коррекции исторической памяти населения. Стоит упомянуть и появление псевдонаучных культурологических теорий, авторы которых, преследуя личные амбициозные цели, сумели повлиять на искривление ракурса эмического видения населением собственного культурного наследия.

Два фактора — рост «внимания к себе» и развитие туризма — дали толчок активной реконструктивной практике по восстановлению лакун, образовавшихся вследствие размывания пласта традиционности, но одновременно стимулировали и массовую тенденциозную фальсификацию возрождаемых утрат и их произвольную замену на «более эффектные»; эти процессы сопровождались и коммерциализацией культуры, в том числе «продвижением “на продажу” как традиционных, но “скорректированных” культурных феноменов, так и выдаваемых за традицию инноваций»

(Mongili 2015: 9–10). Именно в этом ключе приходится, увы, рассматривать массовое появление сегодня если не большинства, то многих музеев народной культуры.

Как правило, проводниками политики «изобретения традиций» и их коммерциализации являются *Pro Loco* (лат. *в пользу места*) — существующие в каждой деревне краеведческие организации. Формально выступающие за сохранение и возрождение местного культурного наследия, они, часто игнорируя проблему аутентичности и яростно отстаивая собственное видение локальной культуры (нередко абсолютно антинаучное), фактически придают ей максимально эффектный облик и, при поддержке деревенской администрации, превращают локальную специфику в привлекательный для туристов «товар». Подобная стратегия, сегодня жестко критикуемая представителями научного сообщества, а нередко — и населением (особенно людьми среднего и старшего возраста, но также и молодежью), тем не менее часто в наши дни задает тон проводимой в Сардинии культурной и музейной политике (Mannia 2017: 119).

История музеефикации Сардинии

Чтобы диверсифицировать сардинские этнографические музеи и отделить крупные, преимущественно городские серьезные музейные структуры от массовых небольших сельских порождений сегодняшнего дня, уместно обратиться к истории музеефикации области. Как уже говорилось выше, рождение этнографических музеев (как, впрочем, и большинства музеев вообще в Сардинии) — явление достаточно недавнее: первые из них появились лишь в 50-е годы XX в., т. е. много позже, чем в других областях Италии.

Так, только в 1950 г. в Национальном археологическом музее Сассари (позже переименованном в Национальный музей археологии и этнографии им. Дж. А. Санна) была открыта первая комплексная постоянная этнографическая экспозиция: она включала коллекцию объектов народной культуры, в начале XX в. собранную фольклористом Г. Клементе для Этнографической секции Всемирной выставки в Риме (1911 г.) (Atzori 2002: 299).

В 1954 г. народоведческий музей был основан и в Кальяри (позже он получил статус Регионального этнографического музея). Его фонды были созданы на базе обширной частной коллекции сардинских произведений искусства и ремесел (тканей, украшений, ковров, сельскохозяйственного инструментария, мебели, резных деревянных предметов быта и т. д.), которую, начиная с 20-х годов XX в. собирал судья Л. Кокко, в конце 50-х годов передавший ее государству.

Наконец, в 1956 г., после дебатирования на проходившем в Сардинии VI-м Национальном научном конгрессе народных традиций вопросов создания этнографических музеев, оценки активов традиционной культуры, фольклорной реальности и необходимости музеефикации «во имя развития туризма и социально-экономической оптимизации жизни острова» (Atti 1957: 190), в Нуоро была открыта самая крупная этнографически-профилированная музейная структура — Национальный музей народной жизни и традиций Сардинии, главное место в котором занимала обширная коллекция традиционных женских костюмов и украшений. Решающую роль в его открытии сыграла оформившаяся в этот период Антропологическая школа Кальяри, неформальное объединение ученых, возникшее по инициативе и под руководством корифеев итальянской антропологии Э. Де Мартино и А. М. Чирезе, и

разрабатывавшее вопросы теории и практики этнографических и этно-антропологических музеев (*Clemente* 2002: 53).

Если сравнивать эти три музея — «самые крупные этно-демо-антропологические музеи Сардинии, обладающие фундаментальным в строгом смысле слова характером и неоспоримо-серьезной научной репутацией», к тому же и «единственные полноценно посещаемые музеи на острове» (*Lilliu* 1997: 44) — то, несомненно, именно музей в Нуоро можно считать наиболее успешным примером грамотной антропологической реконструкции сардинской народной жизни и традиций. Опережая свое время и предвосхищая сделавшееся систематическим в наши дни тесное сотрудничество итальянских музеев с научными кругами, Музей в Нуоро первым в Италии стал центром не только сбора и охраны этнографических материалов, но и исследований и консервации документации в сфере этно-антропологии; например, он часто инициирует полевые кампании по сбору материалов и анализу фольклора (*Atzori* 2002: 305). И хотя долгое время Музей руководствовался устаревшими выставочными критериями и принципами (артефакты группировались и экспонировались согласно их функциональности либо по материалу, из которого они были изготовлены, что усложняло их широкое антропологическое прочтение, тем более для рядовых посетителей, лишенных специальной подготовки), сегодня он вполне отвечает требованиям, предъявляемым современным музейным структурам. Так, были пересмотрены принципы экспонирования, расширены рамки повествования, многие объекты получили мультимедийную «подачу», а традиционный быт и культура острова, материальные (инструментарий, жилище, одежда, пища) и нематериальные ценности (народные верования, традиционные праздники, обряды и ритуалы, музыка, пение, танцы и т. д.) — объемное многогранное видение. Богатейшие фонды Музея также каталогизированы в новом формате.

Хотя музей в Сассари, основанный в 1878 г., обладает неоспоримо бóльшим экспозиционным опытом и располагает обширной этнографической коллекцией артефактов — традиционных тканей, мебели, корзин, керамики, ювелирных изделий, он уступает музею Нуоро в том, что касается научности экспозиционных критериев и новизны подходов к музейному делу. Так, его отличает «традиционный архаизм подачи материалов», а выставочные принципы грешат неоправданным лаконизмом (*Lilliu* 1997: 45): до сих пор отсутствуют мультимедийные системы презентации, а объекты экспонируются без текстового сопровождения, которое могло бы существенно расширить рамки культурного контекста, что ставит интерпретацию объектов в полную зависимость от культурно-образовательного уровня, интуиции и подготовленности посетителей.

Еще более ретроградными, анахронистическими и нерепрезентативными, по мнению исследователей сардинского музейного дела, предстают экспозиционные принципы Этнографического музея в Кальяри. Музей вполне успешен как серьезный, отвечающий последнему слову науки исследовательский центр, но его выставочная система парадоксальным образом продолжает устойчиво держаться устаревших концепций, в силу чего, например, при экспозиции акцент делается преимущественно на эстетической ценности находок, их внешней привлекательности, почти в ущерб другим их характеристикам. Экспонаты снабжены лишь краткими подписями, которые обозначают только и без того порой очевидное их предназначение, но лишены датировки и не содержат данных о географическом происхождении

экспонатов. Крайне невелико число пояснительных панелей, что ограничивает для гостей возможность контекстуализации объектов. При этом в музее отсутствует институт экскурсоводов или специальных сотрудников, могущих помочь посетителям.

Стремительная музеефикация Сардинии

С 70-х годов XX в. Сардиния начинает переживать так называемую «стремительную музеефикацию» — массовое появление этнографических музеев (Mameli 2024: 134). Этот бум затронул и города (вспомним, например, «рождение» в этот период народоведческого Музея Грации Деледды в Нуоро, открытие Этнографического музея им. Ф. Банде в Сассари и т. д.), но преимущественно получил развитие в сельской среде, породив великое множество небольших деревенских музеев народной культуры.

Характер стремительной музеефикации, как и предпосылки этого процесса, оказались достаточно неоднозначными и даже парадоксальными. С одной стороны, сохраняющееся преобладание сельского населения, или, по крайней мере, консервация «основ крестьянского мышления», а также «витальность традиций вчерашнего прошлого» изначально предопределили отсутствие чрезмерного интереса в Сардинии к наукам о народных традициях и к самой идее консервации того, что еще недавно составляло, а в ряде ареалов острова и сегодня составляет привычный повседневный уклад (Mongili 2015: 118). Вкупе с уже упомянутыми ранее низким образовательным уровнем большинства сардинцев, их культурной статичностью и тягой к сохранению «того, что было», они обусловили слабую популярность (а вследствие этого и посещаемость) музеев.

С другой стороны, начиная с 1970-х годов и далее, по мере все большего «удаления» социума от крестьянского, «подлинного и потерянного» мира, усиливалась ностальгия по культуре предков, что отразилось, например, в широком показном использовании символики сельской жизни, которая посредством предметов (колес телег, плугов, бочек, каменных жерновов и т. д.) вторгалась в жилища, сады вилл, даже рестораны и магазины одежды: артефакты становились подсознательными знаками подлинности, переносимой на товары. Тоска по прошлому объясняет, почему «в рост» пошли именно этнографические музеи (Forin 2002: 182).

Помимо этого, катализатором стремительного расширения сети этномузеев стали и особенности психологии и поведенческих традиций населения. Так, в Сардинии, где деревня остается господствующим видом поселения, «изолятом», микро- и макрокосмом для ее обитателей, детерминантой их ментальности и поведения, нет селения, которое не стремилось бы создать свой собственный музей, «подающий как эксклюзивное то, что было проще всего подать и что было всегда под рукой» — «свою выставленную на продажу самость», местную историко-этнографическую (реальную или предполагаемую) специфику, что позволило бы ей «выделиться» по сравнению с окружающими деревнями (Mameli 2024: 132).

Подобные амбиции — следствие «кантональной» (парохиальной) природы сардинских деревень, контакты между которыми сравнимы с натянутыми взаимоотношениями между различными «нациями»¹ (Angius 1833: 94) («каждая сардинская деревня — вечный антагонист и соперник соседских селений» (Rudas 1999: 257). Эта напряженность жива и сегодня, проявляясь в форме конкуренции деревень, микроэтнических идентитар-

¹ В Сардинии совокупность жителей любой деревни именуется *nassone*, т. е. *нация*.

ных притязаний и выпячивании каждой из них собственной культурной «самости», усиливающих на фоне сегодняшнего развития туризма (Mameli 2024: 137).

Важнейшую роль в подпитке и «раздувании» этой напряженности играет чувство зависти, которое с полным основанием можно назвать лейтмотивом мировосприятия населения в деревнях, особенно в горных (Gallini 1973: 18); психиатр Н. Рудас, исследовавшая в конце XX в. поведенческие стереотипы сардинцев, назвала это чувство «одной из доминант и детерминант деревенской ментальности» (Rudas 1999: 258). Именно завистью можно объяснить, например, тот факт, что в небольшой деревне Дезуло (Барбаджа) в 2010 г. открылось одновременно два яростно конкурирующих друг с другом этнографических музея, каждый из которых доказывал свою эксклюзивность. Немало деревенских музеев создано исключительно «из зависти к соседям», «в пику им и из желания вызвать зависть к себе» (Mameli 2024: 137). Подчеркнем, что «стремление “прославить себя” и вековой дух конкуренции с окрестными деревнями» настолько порой приоритетны, что отодвигают на второй план даже жажду доходов. На практике это приводит к абсурду — музеи нередко создаются в местах, фактически абсолютно непосещаемых, неизвестных либо недосягаемых для туристов: в Сардинии слабо развиты туристическая реклама и общественный транспорт, а дороги, особенно горные, отличает плохое качество.

У родившихся в последние десятилетия народоведческих музеев есть немало общих черт. Большинство их порождено инициативой на местах, поддерживаемой и финансируемой местной администрацией — она реализуется силами учителей начальной школы, представителей *Pro Loco* и сельских ассоциаций по продвижению туризма.

К сожалению, у этих музеев немало и общих минусов. Они часто отличаются хотя и обширными, но лишенными оригинальности, бездумно и хаотично составленными коллекциями, нередко копирующими экспозиции соседних деревень, в силу чего не отражают местную культурную специфику; большинству присуще отсутствие грамотных концепций, критериев, а порой и персонала.

Даже если некоторые из музеев апеллируют к научным источникам, это происходит бессистемно и окказионально, поскольку сбором артефактов и организацией музеев обычно занимаются энтузиасты-дилетанты. Последним, нередко с предубеждением относящимся к научным теориям — «продукту далекой от них, чужеродной касты ученых», при избытке амбиций почти всегда не хватает специальной подготовки и знаний, а часто и общей культуры (Clemente 2002: 54). Лишь изредка «музейщики» призывают на помощь ученых, однако ждут от них, как правило, грамотных технических приемов оснащения экспозиционной практики, отторгая советы концептуального плана.

Общим «слабым местом» этномузеев Сардинии, помимо непрофессионализма кураторов, продолжает оставаться нехватка дополняющей экспонаты информации и отсутствие научных принципов организации выставочных образцов. Так, хотя большинство музеев «ориентировано на историю», экспонаты часто подаются «вне конкретного времени», в своего рода онтологическом измерении: «некоему прошлому противопоставляется некое настоящее, причем как первое, так и второе лишены точных черт и привязок» (Mameli 2024: 196).

В зависимости от типа, специфики и культурно-географического происхождения фондов, а также тематики этнографических сельских музеев, их можно, пусть и очень условно, подразделить на две группы (Lilliu 1997: 193).

Первая включает музеи, именуемые «универсальными» и обладающие широким диапазоном тематико-хронологического охвата: они специализируются на комплексной консервации, реконструкции и демонстрации крестьянско-пастушеской культуры в целом, и нередко обладают богатыми и интересными коллекциями артефактов. К сожалению, отсутствие четких концепций и политика организаторов, стремящихся скрупулезно воссоздать реальность «как она была», но при этом в силу некомпетентности одержимых желанием показать «как можно больше», неизбежно сказывается на характере экспозиций, «не только слишком общих и хаотичных», но и нередко включающих и «то, чего не было», а в силу этого «искажающих картину прошлого» (Borgioli 2013: 192). Хотя есть удачные исключения (например, Этнографический музей крестьянского труда в Галтелли, область Барония), подавляющее большинство «универсальных» музеев — например, Са Дому-и-Фарра в Курарту-Сант-Елена, музей С'Абба Фриска в Доргали, музей в Домусновас, Са Дому Антига в Сантади и др. — невзирая на вполне удовлетворительную техническую оснащенность, по мнению компетентных представителей научного мира, «часто стремятся охватить так много, что в итоге не преуспевают ни в чем», а также «грешат поверхностностью и одновременно чрезмерностью» (Mameli 2024: 195).

К числу «универсальных» формально можно отнести, например, и мега-музей в Аджусе (провинция Сассари) в области Галлура, позиционирующий себя как «музей всех галлурских искусств и ремесел». Прекрасно оснащенный в техническом плане, обладающий богатой, хотя и бессистемной коллекцией объектов материальной культуры, этот «музейный городок» — занимающий целый квартал комплекс отдельно отстоящих микро-музеев — невзирая на декларацию многотемья, фактически концентрирует внимание лишь на двух феноменах — на ткачестве и на феномене «бандитизма»¹ в Галлуре. Этот пример дает возможность убедиться в том, как непросто порой классифицировать тот или иной возникший в последнее время музей.

К числу «общеетнографических» часто относят и Музей крестьянской и пастушеской культуры в Битти, поскольку, согласно уставу, он «представляет искусство и ремесла всего сельского мира Сардинии». Однако фактически единственным полноценно развитым его отделом является мультимедийная секция канто-а-теноре, знаменитого горлового тенорового хорового пения — уникальной формы островного вокала, объявленной объектом наследия ЮНЕСКО.

Вторую, значительно более обширную группу составляют монотематические этнографические музеи, которые освещают либо специфику определенного историко-географического ареала (например, горной области Барбаджа, областей Джара или Галлура и т. д.), либо материальную атрибутику конкретной характерной сферы культуры (пастушеского дела, резьбы по дереву, ковроткачества, добычи снега и т. д.) (Lilliu 1997: 137).

В числе наиболее качественных примеров такого рода музеев можно указать Музей текстильного искусства в деревне Самугео (Ористано) и Музей медного дела в Изили (Сарчидано). В первом экспонируются уникальные, собранные по всей Сарди-

¹ Под сардинским бандитизмом понимаются массовые, начиная с раннего Средневековья, проявления преступности на острове, обусловленной экономическими, а позже и политическими причинами, за которыми также стоит противостояние норм обычного и государственного права; выливавшиеся в конфликты местного населения и сил государственного («чужого») правопорядка, они провоцировали «уход в горы» и превращение в изгоев нарушителей, пользовавшихся поддержкой местного населения.

нии, образцы ткацкого искусства, в частности, ковры и шерстяные одеяла. Экспонаты сопровождает текст, раскрывающий не только ареал происхождения артефактов, но и их символизм, назначение и функциональное «переформатирование». Так, например, характерные ковры, которыми в прошлом покрывали деревянные сундуки с нарядом невесты, или *tappinzu 'e mortu* — тканые «одеяла» особых формы и орнамента для закрывания тел усопших перед их погребением, сегодня ткут уже как гобелены или накидки на кровать или кресла. Как подписи, так и мультимедийная подача информации позволяют воспроизвести весь цикл обработки шерсти, от окрашивания растительными красителями до прядения и ткачества, а также различные типы и методы короткачества. В видеороликах слово предоставляется ткачам, детально описывающим технику работы. Наконец, табло иллюстрируют «живую» геометрию процессов ткачества, алгоритмы комбинаций основы и утка в зависимости от создаваемого орнамента.

Высокое качество обнаруживает и Музей меди, не имеющий аналогов в Сардинии — он воссоздает историю островной металлургии и процессы обработки меди и экспонирует богатейшие коллекции как медных изделий (сгруппированных по контексту использования: предметы мира пастушества, предметы домашнего обихода и т. д.), так и инструментария медников, каждая единица которого сопровождается описанием фазы рабочего процесса. Особый интерес представляет раздел, посвященный *ramai* — бродячим мастерам, торгующим своей продукцией, и их особым языку, происхождению, культуре.

Музей оснащен информационными табло, мультимедийными инструментами, а также богатым акустическим сопровождением: фоновыми звуками и голосами, которые реконструируют атмосферу деревни в прошлом, вызывая глубинные ассоциации и погружая посетителей в миры медников и ткачей. Эти практики вполне успешно дают ответ на часто поднимаемый в антропологических исследованиях вопрос: как воссоздать и передать в стенах музеев чувства, эмоции, переживания — невидимые, но основополагающие составляющие человеческого бытия (*Buttitta* 2002: 40).

К числу качественных монотематических музеев относятся также Музей пастушества в Фонни и Музей средиземноморских масок в Мамояде, оба в Барбадже.

Первый, родившийся по инициативе деревенской администрации и курируемый антропологами из Университета Нуоро, всесторонне и достоверно описывает жизнь и труд пастухов, их орудия труда и праздники, феномен отгона отар на равнины, роль женщины в пастушеской семье и среде. Отдельный раздел музея посвящен маскам и традиционному облачению фигур местного «карнавала» — демонов, героев древних зоолатрических обрядов, предстающих в зооморфном облике медведей *urtzos* и антропоморфном — медвежьих «хозяев» *buttudos*. Размещенный в старинном доме, музей оснащен пояснительными панелями, мультимедийными табло, фотографическими изображениями, аудиовизуальными системами, позволяющими услышать традиционные песни и специфические, воссоздающие звуки сельской местности фоновые шумы, а также увидеть характерные сцены жизни деревни. В последние годы Музей организует полевые исследовательские кампании по изучению традиций пастушества (сказывается присутствие ученых), в которые вовлекается местная молодежь.

Двойное впечатление оставляет Музей средиземноморских масок в Мамояде, основанный совместно силами *Pro Loco*, местной ассоциации по развитию туризма и кооператива, отвечающего за культурно-экономическое развитие деревни. Музей обладает неплохой коллекцией как сардинских, так и несардинских карна-

важных масок и костюмов. Речь идет о личинах и облачениях как героев древних зоолатрических обрядов в Барбадже, так и обрядовых зоо- и антропоморфных персонажей, представляющих Средиземноморье (Португалию, Испанию), альпийский (Южный Тироль, Фриули, Словению) и балканский (Болгарию, Грецию, Албанию, Хорватию) регионы.

Однако экспозиция Музея масок хаотична и лишена какого-либо информационного сопровождения, которое позволило бы понять историю и символизм личин и персонажей, а также провести сравнительно-сопоставительный анализ этих фигур и стоящих за ними культурных реалий. Критику ученых вызывает и «гипертрофированное внимание», уделяемое местным обрядовым персонажам (Мамуттонес и Иссокадорес), а также постоянная демонстрация в музее фильмов, посвященных как современному состоянию локального карнавала (при том, что игнорируются хранящиеся в музее документальные архивные киноматериалы, могущие с большой достоверностью показать, что представляли собой еще недавно праздничные обряды), так и сегодняшнему вовлечению в действо детей (Paffi 2020).

Дело в том, что дети никогда не допускались к участию в карнавальным обрядам, поэтому шоу с их участием справедливо оценивается антропологами как «спекулятивное изобретение традиций», продиктованное корыстными интересами кураторов музея. Не меньшую критику вызывают и планы музея по превращению его в звено сложной цепи различных коммерческих инициатив, и многочисленные декларации руководства о миссии музея (в их числе звучат и «укрепление идентичности», и «привлечение туристов», и «построение успешной предпринимательской модели»), а также музейные программы, где культурные мероприятия все больше уступают место рыночным акциям (сбыт местного сыра, вина и т. д.); все это позволяет сделать вывод о том, что «маркетинг пожирает этнографию» (Paffi 2020).

Монотематичен и Экомузей сардинской горской культуры в Аритцо (Барбаджа) — по мнению ученых, «на сегодняшний день один из наиболее грамотных этнографических музеев в Сардинии и один из немногих, по праву могущих считаться антропологическими» (Mameli 2024: 195). Он располагает самой богатой на острове коллекцией материальных артефактов народной культуры, а также обширным корпусом документов и научной литературы, помогающими детально осветить образ жизни населения горного сообщества, исторически связанного с пастушеством, крестьянским трудом и «лесными» промыслами. У музея дробная структура: роль ядра играет собственно музей — сосредоточие основной коллекции экспонатов, а в разбросанных по деревне зданиях размещены отделы, посвященные традиционным хозяйственным промыслам ареала (отгонному пастушеству и сыроделию; обработке земли; добыче и хранению льда и снега; производству *sorbettu* — кустарного мороженого; сбору «плодов леса» (каштанов, орехов, грибов, валежника); лесорубному и ткацкому делу; ковроткачеству; производству мебели и т. д.), а также характерным фигурам деревенского социума — пастухам, бродячим торговцам, угольщикам, медникам, маргинальным и девиантным персонажам (бандитам, колдуньям-ворожеям и т. д.).

Особое внимание в Экомузее уделено уникальным и эксклюзивным в масштабе острова занятиям, «сосредоточенным» как раз в Аритцо: заготовке снега; производству мороженого и изготовлению резных «свадебных» сундуков (*cascia*), пользовавшихся спросом по всей Сардинии. Специальные пространства отведены для местных празднично-обрядовых масок — Улцу (медведя), Мамуттоне (зооморфного

демонического существа), Оэ (быка) и т. д., и для коллекции по теме магии и колдовства. На первый взгляд, музей грешит многотемьем, однако, согласно концепции его руководства, различные аспекты экспозиции — взаимосвязанные элементы единого антропологического целого в контексте локального историко-географического и хозяйственного ареала. Музей не оснащен мультимедийными системами, однако владеет пояснительными панелями, иллюстративными табло и богатейшей фототекой с подробными комментариями по каждой теме. Единственный из всех массово возникших сельских сардинских этномузеев, Экомузей в течение многих лет проводит научные мероприятия международного масштаба — так называемую «Ночь ведьм», конференцию, посвященную фигурам ведуний, ворожей, колдуний и их месту в народной культуре различных регионов.

Уместно упомянуть и Музей ритуального хлеба в деревне Бороре (Барбаджа), специализирующийся на праздничных (вотивных) хлебах и выпечке, обилием которых славится Сардиния. Наряду с экспонатами, сопровождаемыми подробными подписями, указывающими состав теста, происхождение выпечки и ее назначение, также визуализированы операционные цепочки от посева зерна до приготовления и потребления хлеба, каждый «этап» которых снабжен пояснительными карточками. Музей невелик, и, хотя его коллекции значительно уступают коллекциям хлебов и сладостей, представленных в Этнографическом музее Нуоро, он обладает интересными пасхальными экспонатами выпечки; кроме того, в последние годы он начал разворачивать и активную научно-исследовательскую и культуртрегерскую деятельность, организуя тематические выставки, конкурсы, презентации и т. д.

Большой интерес представляет Музей агропродовольственных традиций в деревне Сидди (Мармилла) — он представляет собой частную структуру, курируемую учеными из Университета Кальяри. Расположенный в старинном поместье, Музей во всей полноте освещает алиментарную культуру сельской Сардинии: пищевое сырье, кулинарные приемы и способы потребления пищи, рецепты, вкусовые предпочтения, связанные с потреблением пищи обычаи, повседневное и праздничное меню и т. д.; в его залах воссозданы кухни, мельницы, хлебные печи, масляные прессы и т. д. В хорошо оснащенном технически Музее визуально воспроизводятся процессы производства и сохранения пищевых ресурсов, их преобразования и потребления, изображения дополняются идентификационными картами объектов, пояснительными панелями, гигантографиями и текстами историков, антропологов и диетологов, а в учебных лабораториях проводится практическая, в том числе и интерактивная обработка пищевого сырья и приготовление определенных блюд. В последнее время музей, не изменяя научной деятельности, все чаще становится участником гастрофестивалей, сагр, промоушна вина, сыра, сладостей, масла и т. д.

Среди монотематических музеев особое место занимает не имеющий аналогов в Италии уникальный Музей средиземноморского плетения в Кастельсардо (пров. Сассари), который освещает производство как в Сардинии, так и во всем Средиземноморье изделий из растительных волокон (циновок, хлебных корзин, сумок, решет, сит, лодок и т. д.), находящихся применение в быту, сельском хозяйстве, животноводстве, рыболовстве, торговле и т. д. Артефакты разделены по материалам, по технике плетения, форме, объему, назначению, использованию, происхождению, по гендерной принадлежности мастеров. Так, мужчины плели грубые сосуды и емкости из лозняка, тростника, ветвей оливы, камыша, а женщины выполняли более тон-

кие работы из стеблей асфodelей, листьев карликовой пальмы, тростника и соломы. Экспозиции представлены пояснительными карточками и подписями. Гордость коллекции — *is fassonis*, сплетенные из озерного камыша, болотной травы и тростника лодки, на которых передвигались рыбаки по прудам Кабраса и Санта-Джусты; по мнению ученых, они обнаруживают большое сходство с древними плетеными лодками Магриба и Албании, но еще большее — с древнеегипетскими папирусными лодками и тростниковыми судами озера Титикака (Mondardini Morelli 1998: 129).

Принципы организации музейного дела

Ввиду того, что рамки статьи ограничивают объем изложения, мы сосредоточились лишь на единичных примерах наиболее интересных, грамотно организованных и посещаемых этнографических музеев. Продолжить же дальнейший обзор совокупности музеев Сардинии сложно еще и потому, что подавляющее их большинство сливается в некую единую массу, слишком однообразную, чтобы ее можно было детально рассмотреть: «трудно оценивать этот бесконечный ряд мелких, так похожих один на другой музеев пшеницы, масла, хлеба, игрушек, декоративно-прикладного искусства и т. д., из которых единицы обретают свое лицо и достигают документально-выставочного совершенства» (Mameli 2024: 145).

Кроме этого, подавляющее большинство музейных структур все чаще добровольно подчиняется задачам продвижения туризма, но еще больше — «своеобразно понимаемым, неграмотным (порой в буквальном смысле), примитивным и слепым попыткам утвердить и отстоять свою культурную *самость*, порой реальную, но чаще надуманную и иллюзорную» (Mameli 2024: 145). Об этом говорят наивные программные заявления музейного руководства, странные предлагаемые ими пути развития музеев, произвол отторгающих научные аргументы и результаты проверенных полевых исследований реконструкторов (например, их необоснованные дизайнерские фантазии при восстановлении традиционной одежды, внедрение элементов недавно изобретенной хореографии в исполнение народных и ритуальных танцев, осовременивание традиционных форм полифонического пения и т. д.) (Mongili 2015: 125).

Красноречивой иллюстрацией порочного произвольно-инновативного подхода к делу музейного воспроизводства культурных реалий служит пример еще одного музея, представляющего собой кульминацию мифотворчества и изобретения традиций. Речь идет об Этнографическом музее Аккабадоры в Лурасе (Галлура), посвященном женщинам, которые традиционно практиковали эвтаназию в сардинских деревнях. Институт аккабадор, согласно устной традиции, был с древности распространен на всем острове и функционировал до середины XX в., о чем свидетельствуют результаты полевых исследований антропологов, опрашивавших детей и внуков этих женщин (Alziator 1978: 50–53; Фаус 2004). Однако создатели музея, не удовлетворившись «скучными» находками ученых, в желании продемонстрировать нечто сенсационное и эффектное ничтоже сумняшеся изложили свою версию событий, «наново выдумав аккабадор» и «навязав» им не подтверждаемые фактами черты и атрибуты (Murgia 2018: 78). В частности, в музее, привлекая множество туристов и любопытных, выставлен деревянный молот, которым аккабадора якобы наносила удар в затылок «пациента». Показательно, что экспозиция не содержит ничего из действительно принадлежавшего «женщинам смерти» (в этом вопросе семьи ак-

кабадор заняли принципиальную позицию, отказавшись предоставлять артефакты фальсификаторам), а их отсутствие компенсируется демонстрацией не имеющих к аккабадорам отношения предметов народной культуры; на поток поставлена и торговля оберегами — копиями тех амулетов, которые якобы носили аккабадоры.

Выше мы уже касались причин «непосещения» музеев в Сардинии. Резюмируя, вслед за одним из исследователей современных сардинских реалий добавим, что их игнорирование во многом обусловлено низким культурно-образовательным уровнем не только потенциальных посетителей, но и организаторов музеев, «неспособных создать что-либо действительно яркое и качественное» (Mongili 2015: 195). Порочна и мотивация создания музеев, по факту сводимая исключительно «к желанию заявить о себе»: «это также не может не сказаться на уровне создаваемых музейных институций, а как следствие — на уровне их посещаемости, или, точнее, *непосещаемости*» (Mongili 2015: 195). Не менее «преступно и аморально» удивляющее отсутствие «систематической, последовательной и громогласной критики таких музейных и “культурных” начинаний со стороны научной среды» — оно обусловлено «своеобразной солидарностью ученых с музеями, так как последние все как один позиционируют себя проводниками идеи сардинской идентичности»; со временем «это молчание оборачивается еще большим снижением культурного уровня всего островного общества, сокращением его интеллектуальных запросов и сужением культурных горизонтов» (Mannia 2017: 140).

Но, заглядывая глубже, добавим, что, на наш взгляд, рост числа этнографических музеев, превращение их абсолютного большинства в *соборы в пустыне* и в целом стагис этнографического музейного дела в Сардинии обусловлен и более серьезными причинами. Так, в островной музейной среде в наши дни продолжает господствовать концепция музея как сосредоточия неизбирательной коллекции предметов народной культуры, как места, в котором надо сохранять «все подряд» (Mameli 2024: 133). И сегодня, по прошествии более полувека с момента проведения знаменитого Семинара по музеографии и фольклору, на котором были выработаны конструктивные (Cirese 1968: 19), принимаемые во внимание руководством всех серьезных итальянских народоведческих музеев научные принципы музейного дела, Сардиния отторгает точку зрения, согласно которой музей должен говорить не на «языке буквальности», а на «метаязыке» (Cirese 1977: 35–56) — языке анализа и толкования, позволяющем выявить глубинные, не видные и не представляющиеся очевидными на первый взгляд связи предметов и явлений (Miceli 1973: 245–251). Упрощая, можно сказать, что создатели музеев в Сардинии, неспособные мыслить «по-научному» и усматривать эволюцию предмета, ограничиваются вульгарной и примитивной констатацией того, «что было» и «что есть», исключая подачу артефакта во всей его этнографической глубине и полноте. По-прежнему отсутствует момент глубокого видения объекта, его синхронного измерения в системе социальных и символических отношений, которые он устанавливает с другими объектами, учета его локальной историко-географической специфики и других факторов, с помощью которых предметы и процессы «релятивизируются» и становятся прозрачными с антропологической точки зрения. И хотя в последние годы эта массовая музейная практика встала на путь изменений (доказательство чему — приведенные нами примеры «состоявшихся» этнографических музеев), поиск эпистемического пути этно-антропологической музеографии все еще представляет собой сложную задачу.

Источники и материалы

- Angius* 1833 — *Angius V.* Voce Barbagia // *Casalis G.* (a cura di). Dizionario geografico-storico-statistico-commerciale degli Stati di su maestà il re di Sardegna. Torino: Maspero, 1833. Vol. 2. P. 94.
- Atti* 1957 — Atti del VI Congresso nazionale delle tradizioni popolari (Cagliari-Nuoro-Sassari, 25 aprile — 1° maggio 1956). Firenze:Olschki, 1957. 224 p.
- Catanese* 2021 — *Catanese A.* Mezzogiorno: il regno delle Cattedrali nel deserto // *Sud-e-Futuri*. 06.07.2021. <https://www.sudefuturi.it/2021/07/06/mezzogiorno-il-regno-delle-cattedrali-nel-deserto/>
- Iorio* 2004 — *Iorio M.* Musei, siti archeologici e turismo in Sardegna: alla ricerca di un'integrazione // *CRENOS* (Centro ricerche economiche Nord Sud. Università di Cagliari. Università di Sassari). Quaderni di lavoro. 2004. N. 4. P. 1–43. https://crenos.unica.it/crenosterritorio/sites/default/files/allegati-pubblicazioni-tes/04-04_Musei_siti_archeologici_e_turismo_in_Sardegna_alla_ricerca_di_un_integrazione.pdf.
- Musei* 2022 — Musei: in Sardegna numero visitatori più basso d'Italia // *ANSASardegna*. 03.11.2022. https://www.ansa.it/sardegna/notizie/2022/03/11/musei-in-sardegna-numero-visitatori-piu-basso-ditalia_385e2744-ce4c-4e6f-91f1-9c3b842bb3f1.html#:~:text=In%20Sardegna%20ci%20sono%20155,a%20specifici%20tematismi%20e%20specializzazioni.

Научная литература

- Фаус О. Д.* Эвтанизия в традиционной культуре (институт са аккабадора в Сардинии) // *Этнографическое обозрение*. 2004. №. 1. С. 89–101.
- Alziator F.* Il folclore sardo. Sassari: Dessi, 1978. 270 p.
- Atzori M.* I beni culturali etnografici. Alcune esperienze museali in Sardegna // *Museo e Cultura* / ed. by J. Cuisenier, J. Vibaek. Palermo: Sellerio, 2002. P. 299–311.
- Borgioli C.* Musei e sistemi nelle politiche regionali della Sardegna (1950–2008) // *Sistemi museali e musei in Sicilia e in Sardegna*. Politiche ed esperienze / ed. by C. Borgioli, D. La Monica, E. Stinco. Pisa: Felici, 2013. P. 9–109.
- Buttitta A.* Preliminari alla museologia etnoantropologica // *Museo e Cultura* / ed. by J. Cuisenier, J. Vibaek. Palermo: Sellerio, 2002. P. 35–41.
- Cirese A. M.* I Musei del mondo popolare: collezioni o centri di propulsione della ricerca? // *Museografia e Folklore*. Atti del seminario di studi // *Architetti di Sicilia* (Numero speciale dedicato agli atti del Seminario di studi su “museografia e folklore”, Palermo 21–23 novembre 1967) / ed. by G. Pirrone. No 17/18. 1968. P. 13–21.
- Cirese A. M.* Oggetti, segni, musei. Torino: Einaudi, 1977. 130 p.
- Clemente P.* Estetica e comunicazione di massa nella museologia antropologica // *Museo e Cultura* / ed. by J. Cuisenier, J. Vibaek. Palermo: Sellerio, 2002. P. 53–68.
- Febvre L.* La terre et l'évolution humaine introduction géographique à l'histoire. Paris: Michel, 1949. 475 p.
- Figari C.* Ma dove sono finiti i visitatori dei musei // *La Nuova Sardegna*. 27.11.2003. P. 18.
- Forin G.* Origine e tipologia dei musei entnoantropologici e analisi dell'evoluzione degli interessi del pubblico come utente // *Museo e Cultura* / ed. by J. Cuisenier, J. Vibaek. Palermo: Sellerio, 2002. P. 167–199.
- Gallini C.* Dono e malocchio. Palermo: Flaccovio, 1973. 185 p.
- Lilliu C.* Guida alla visita dei musei e delle collezioni della Sardegna. Cagliari: Assessorato della pubblica istruzione, beni culturali Regione autonoma della Sardegna, 1997. 297 p.
- Lilliu G.* La costante resistenziale sarda. Nuoro: Illiso, 2002. 456 p.
- Mameli F.* I differenti valori del “patrimonio culturale” sardo. Definizioni, significato e impatto sociale ed economico // *Logu e Logos*. Questione sarda e discorso decoloniale / ed. by G. Cherci, F. Pau. Milano: Meltemi, 2024. P. 131–202.

- Mannia S. Al gran galà delle maschere. Considerazione sulle pratiche carnevalesche nella Sardegna contemporanea // *Oltre Carnevale: maschere, travestimenti, inversioni* / ed. by S. Mannia. Palermo: Fondazione I. Buttitta, 2017. P. 119–151.
- Maxia C. Note sul pastoralismo in Sardegna // *Pastori e comunità a Fonni. Un museo per la storia della cultura pastorale* / ed. by G. Murru Corrigan. Fonni: Scuola Sarda, 2013. P. 46–55.
- Miceli S. Ricerca deduttiva per un museo critico del mondo popolare // *Uomo&Cultura*. Vol. VI. No. 11–12. 1973. P. 245–251.
- Mondardini Morelli G. Pesca e pescatori in Sardegna. Mestieri del mare e delle acque interne. Cinisello Balsamo: Silvana, 1998. 256 p.
- Mongili A. Topologie postcoloniali. Innovazione e modernizzazione in Sardegna. Cagliari: Conda-ghes, 2015. 320 p.
- Murgia G. Sardegna tra leggenda e realtà: “Sa femmina accabadora”, colei che dà la buona morte, nelle immagini e nelle parole di alcuni autori sardi // *Italianistica Debreceniensis*. 2018. No. 24. P. 77–84.
- Paffi M. La gestione del sistema museale di Mamoiada // *Dialoghi Mediterranei*. 2020. No. 44. <https://www.istitutoeuroarabo.it/DM/la-gestione-del-sistema-museale-di-mamoiada/>
- Rudas N. L'interazione arcana. All'origine della creatività dei sardi // *L'ora dei sardi* / by S. Cubbeddu. Cagliari: Fondazione Sardinia, 1999. P. 255–292.

References

- Alziator, F. 1978. *Il folclore sardo* [The Sardinian Folklore]. Sassari: Dessi. 270 p.
- Atzori, M. 2002. I beni culturali etnografici. Alcune esperienze museali in Sardegna [Ethnographic Cultural Heritage. Some Museum Experiences in Sardinia]. In *Museo e Cultura* [Museums and Culture], ed. by J. Cuisenier, J. Vibaek. Palermo: Sellerio. P. 299–311.
- Borgioli, C. 2013. Musei e sistemi nelle politiche regionali della Sardegna (1950–2008) [Museums and Systems in the Regional Policies of Sardinia (1950–2008)]. In *Sistemi museali e musei in Sicilia e in Sardegna. Politiche ed esperienze* [Museum Systems and Museums in Sicily and Sardinia. Policies and Experiences], ed. by C. Borgioli, D. La Monica, E. Stinco. Pisa: Felici. P. 9–109.
- Buttitta, A. 2002. Preliminari alla museologia etnoantropologica [Preliminaries to Ethnoanthropological Museology]. In *Museo e Cultura* [Museum and Culture], ed. by J. Cuisenier, J. Vibaek. Palermo: Sellerio. P. 35–41.
- Cirese, A. M. 1968. I Musei del mondo popolare: collezioni o centri di propulsione della ricerca? [The Museums of the Popular World: Collections or Research Propulsion Centers?]. In *Museografia e Folklore. Atti del seminario di studi* [Museography and Folklore. Proceedings of a Research Seminar], ed. by Pirrone G. Architetti di Sicilia (Special issue dedicated to the proceedings of the Seminar on “Museography and Folklore”, Palermo 21–23 November 1967). 17/18: 13–21.
- Cirese, A. M. 1977. *Oggetti, segni, musei* [Objects, Signs, Museums]. Torino: Einaudi. 130 p.
- Clemente, P. 2002. Estetica e comunicazione di massa nella museologia antropologica [Aesthetics and Mass Communication In Anthropological Museology]. In *Museo e Cultura* [Museum and Culture], ed. by J. Cuisenier, J. Vibaek. Palermo: Sellerio. P. 53–68.
- Fais, O. D. 2004. Evtanaziia v traditsionnoi kul'ture (institut sa akkabadora v Sardinii) [Euthanasia in Traditional Culture (the Sa Accabador Institute in Sardinia)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 89–101.
- Febvre, L. 1949. *La terre et l'évolution humaine introduction géographique à l'histoire* [A Geographical Introduction to History]. Paris: Michel. 475 p.
- Figari, C. 2003. Ma dove sono finiti i visitatori dei musei. *La Nuova Sardegna*: 27.11. P. 18.
- Forin, G. 2002. Origine e tipologia dei musei entnoantropologici e analisi dell'evoluzione degli interessi del pubblico come utente [Origin and Typology of Ethnoanthropological Museums and Analysis of the Evolution of the Interests of the Public as a User]. In *Museo e Cultura* [Museum and Culture], ed. by J. Cuisenier, J. Vibaek. Palermo: Sellerio. P. 167–199.

- Gallini, C. 1973. *Dono e malocchio* [Gift and Evil Eye]. Palermo: Flaccovio. 185 p.
- Lilliu, C. 1997. *Guida alla visita dei musei e delle collezioni della Sardegna* [Guide to Visit the Museums and Collections of Sardinia]. Cagliari: Assessorato della pubblica istruzione, beni culturali Regione autonoma della Sardegna. 297 p.
- Lilliu, G. 2002. *La costante resistenziale sarda* [The Sardinian Resistance Constant]. Nuoro: Illiso. 456 p.
- Mameli, F. 2024. I differenti valori del “patrimonio culturale” sardo. Definizioni, significato e impatto sociale ed economico [The Different Values of Sardinian “Cultural Heritage”. Definitions, Meaning and Social and Economic Impact]. In *Logu e Logos. Questione sarda e discorso decoloniale* [Logu and Logos. Sardinian Question and Decolonial Discourse], ed. by G. Cherci, F. Pau. Milano: Meltemi. P. 131–202.
- Mannia, S. 2017. Al gran galà delle maschere. Considerazione sulle pratiche carnevalesche nella Sardegna contemporanea [At the Grand Gala of Masks. Consideration on Carnival Practices in Contemporary Sardinia]. In *Oltre Carnevale: maschere, travestimenti, inversioni* [Beyond Carnival: Masks, Disguises, Inversions], ed. by S. Mannia. Palermo: Fondazione I. Buttitta. P. 119–151.
- Maxia, C. 2013. Note sul pastoralismo in Sardegna [Notes on Pastoralism in Sardinia]. In *Pastori e comunità a Fonni. Un museo per la storia della cultura pastorale* [Shepherds and Communities in Fonni. A Museum for the History of Pastoral Culture], ed. by G. Murru Corrigan. Fonni: Scuola Sarda. P. 46–55.
- Miceli, S. 1973. Ricerca deduttiva per un museo critico del mondo popolare [Deductive Research for a Critical Museum of the Popular World]. *Uomo&Cultura* VI(11–12): 245–251.
- Mondardini Morelli, G. 1998. *Pesca e pescatori in Sardegna. Mestieri del mare e delle acque interne* [Fishing and Fishermen in Sardinia. Crafts of the Sea and Inland Waters]. Cinisello Balsamo: Silvana. 256 p.
- Mongili, A. 2015. *Topologie postcoloniali. Innovazione e modernizzazione in Sardegna* [Postcolonial Topologies: Innovation and Modernization in Sardinia]. Cagliari: Condaghes. 320 p.
- Murgia, G. 2018. Sardegna tra leggenda e realtà: “Sa femmina accabadora”, colei che dà la buona morte, nelle immagini e nelle parole di alcuni autori sardi [Sardinia Between Legend and Reality “Sa femmina accabadora”, the One Who Gives the Good Death, in the Images and Words of Some Sardinian authors]. *Italianistica Debreceniensis* 24: 77–84.
- Paffi, M. 2020. La gestione del sistema museale di Mamoiada [The Management of the Museum System of Mamoiada]. *Dialoghi Mediterranei* 44. <https://www.istitutoeuroarabo.it/DM/la-gestione-del-sistema-museale-di-mamoiada/>
- Rudas, N. 1999. L’interazione arcana. All’origine della creatività dei sardi [The Arcan Interaction: At the Origin of the Sardinian Creativity]. In *L’ora dei sardi* [The Sardinian hour], by S. Cubbedu. Cagliari: Fondazione Sardinia. P. 255–292.